

С.Б.Роцинский

Примирение людей и идей как путь к всечеловечеству

(Историософия Владимира Соловьева в контексте современности)

Философское наследие, как и всякое культурное наследие, требует к себе бережного отношения. Однако эта бережность, как представляется, не должна сводиться к антикварному восприятию идей предшественников, к отношению к ним как к ценному, но бесполезному культурному багажу. Обращаться к ним следует и без оглядки на дату высказывания, с учетом того, что философам свойственно говорить не только о временном, но и о вечном. Иными словами, речь идет об актуализации философских идей прошлого, в том числе и тех, что были высказаны Вл.Соловьевым и его последователями. Побывавший в гостях у российских писателей Генрих Бёлль в разговоре о религиозной философии высказал вполне резонное суждение, что ее идеи следовало бы «сказать на языке, который доступен и понятен современному человеку»¹.

Конечным пунктом философских исканий Вл.Соловьева многие исследователи традиционно называют «богочеловечество». К примеру, А.Ф.Лосев писал: «Учение о богочеловечестве, несомненно, является у Вл.Соловьева завершением его теоретической философии»². Однако, по всей вероятности, этот идеал русского мыслителя можно спокойно рассматривать как некую «сияющую высоту», которая, подобно абсолютному Добру, абсолютной Истине и абсолютной Красоте, всегда будет манить к себе, заставляя приближаться к себе, но всегда оставаться недостижимой. Гораздо важнее и актуальнее, как представляется, глубокие и во многом пророческие размышления философа о приземленном, что ли, синониме понятия «богочеловечество» – о *человечестве* как таковом, о перспективах его существования как единого и взаимозависимого целого, о необходимых условиях *со-существования* входящих в его состав людей, народов, наций, культур. Именно в этом контексте мыслитель высказал плодотворные идеи, которые оказались поразительно созвучны философским интенциям нашей эпохи, остро поставившей эти вопросы уже не столько в отвлеченно-теоретическом плане, сколько исходя из настоятельного требования реальных обстоятельств существования и мира в целом, и России как его составной части.

Философ прозорливо усмотрел наступление ситуации, которая столетие спустя будет охарактеризована как «целостный и взаимозависимый мир». Однако единство и целостность мира не означает для Соловьева некую безразличную, субстанциальную слитность, поглощающую всех и вся. Положительное всеединство мира предполагает безусловное признание самоценности всех входящих в его состав отдельных – государств, народов, племен, личностей. «Я называю истинным, или положительным,

всеединством такое, – писал мыслитель, – в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, *пустотою*; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как *полнота бытия*»³.

Соловьев был убежден, что путь к действительному человечеству лежит через общение, коммуникацию, примирение людей и идей. Эти мысли получают у него систематическое, фундаментальное обоснование. Вполне аргументированно можно говорить о том, что Соловьев был первым отечественным и европейским философом, который теоретически и методологически, в *парадигме целостной системы*, обосновал сущность феномена, охарактеризованного впоследствии как диалог культур, и построением своей философии всеединства продемонстрировал возможность и перспективность формирования нового философского мировоззрения на основе примирения, органического и логического синтеза различных идей, концепций, доктрин, философских культур. Понятия *примирение* и *синтез* выступают у него этическим и логическим эквивалентами одного и того же, в сущности, процесса. Примирение есть взаимоотношение людей, синтез – взаимоотношение, «примирение» идей. Солидаризуясь с позицией Ф.М.Достоевского в его понимании перспективы взаимоотношений России и Европы, Соловьев высказывает тезис, что «сущность истинного христианского дела будет то, что на логическом языке называется *синтезом*, а на языке нравственном – *примирением*»⁴.

Сущность философской концепции примирения, сформулированной и обоснованной русским мыслителем, следует рассматривать во взаимосвязанном единстве двух главных ее аспектов. Это, во-первых, онто-этический аспект проблемы, получивший у Соловьева фундаментальное обоснование в его доктрине положительного всеединства, в которой бытийственные отношения в конечном счете сводятся к человеческим взаимоотношениям и, следовательно, выступают по существу как отношения нравственные. Во-вторых, идея примирения элементов бытия (коими прежде всего выступают люди и их общности) у Соловьева находится в теснейшей органической и логической связи с примирением в сфере идей, которое достигается через общение и диалог, преодоление предвзятости и нетерпимости к инакомыслию.

Проблему социального и нравственного примирения людей философ органически связывал со свободным диалогом культур, общением идей, их взаимной критикой, синтетическим усвоением. Убедительным примером демонстрации подобного взаимоотношения идей является сама философия всеединства Вл.Соловьева. В своей системе Соловьев сумел примирить и соединить идеи философов самых различных направлений, исходя из того, что каждая серьезная мысль несет в себе момент истины и достойна войти в сокровищницу человеческой культуры. И этот соловьевский синтез идей был не искусственной конструкцией или эклектическим и безжизненным

соединением, а органической целостностью, строго организованной логически и обоснованной теоретически, а главное – соответствующей реалиям и логике самой жизни.

Формирование Вл.Соловьевым собственной философской доктрины «цельного знания» происходило в результате усвоения, критического осмысления и синтеза различных идей, их примирения между собой, несмотря на их кажущуюся онтологическую и гносеологическую несовместимость. В его системе нашли отражение и получили своеобразную интерпретацию идеи практически всех значительных течений западной философской мысли, и не только Запада, но и Востока. При этом соединение положительной и отрицательной линий преемственности стало для него своеобразным методологическим приемом, который может быть охарактеризован как положительная, или синтетическая, критика. Практически нет ни одного философского течения, которое бы он полностью опровергал или же, напротив, был до конца его апологетом. Соловьеву были чужды и нигилизм, и идолопоклонство. Критикуя то или иное учение, он в то же время непременно признавал его относительную правду, находил в нем «зерно великой истины».

Помимо заслуг в сфере познавательной, Соловьев вместе с тем очень высоко оценивал роль западной философии в формировании самосознания человека, в воздействии ее на ход исторического прогресса. Он считал, что философия, начиная с глубокой древности, особенно со времен Сократа, пусть с разной степенью успеха, деятельно участвует в совершенствовании, «пересоздании» действительности, в освобождении человеческого духа от внешней зависимости, стремится утверждать «абсолютную полноту и совершенство жизни». Освободительная деятельность философии заключается в том, говорит Соловьев, что «она делает человека вполне человеком»⁵.

Тем не менее, несмотря на огромные исторические заслуги, западная философия в основных ее течениях достигла кризисного предела. Ни отвлеченный рационализм, ни отвлеченный эмпиризм, каждый в своей отдельности, по убеждению Соловьева, уже не могут претендовать на то, чтобы считаться самодостаточными в постижении истины. Да, они достигли известных результатов в реализации этой задачи, но эти результаты односторонни, частичны, отвлечены от целостной и живой действительности, а потому остаются лишь путями приближения к истинной философии и ее составными частями. Что же касается «истинной философии», то она призвана подняться выше своих отвлеченных составных частей, объединив в органическом синтезе логический рационализм, материалистический эмпиризм, а также мистицизм веры. Именно такая философия, выступая в тесном союзе с наукой и религией, способна рассматривать Вселенную в живом единстве Бога, мира и человека, более того, служить путеводной нитью, направляющей движение человечества по пути исторического совершенствования.

* * *

Идея единства является основополагающим принципом Соловьева в его поисках путей совершенствования жизни человечества. Высшей, абсолютной формой единства выступает у него *всеединое*, включающее в свой состав все элементы мирового бытия, которые не утрачивают от этого своей самоценности. Всеединое, кроме порядка абсолютного, имеет еще и порядок генетический, оно не только есть, но и становится. Несовершенство, совершенствование, совершенство – три ключевые понятия, которыми Соловьев характеризует путь развития мировой жизни. Важнейшим и наиболее проблематичным для него является второе из них. Именно в процессе *совершенствования* заключается главная драма реальной действительности, конечно же, очень далекой от идеала абсолютного всеединства.

Для метафизической интерпретации явлений и процессов, происходящих в посястороннем мире, Соловьев применяет понятие «*становящееся всеединое*», с помощью которого решает трудную проблему философского «оправдания» таких вещей, как трагическое несоответствие реального идеальному, относительного абсолютному и т.п. Это понятие одинаково применимо как к области человеческой жизни, где оно проявляет себя в наличной действительности как примирение людей, так и к сфере ее познания, где «становящееся всеединое» выступает как согласование, примирение идей. В результате длинного и трудного пути, уверен Соловьев, люди и народы непременно должны примириться, прийти в согласие с собой, друг с другом и с высшей Истиной.

Метафизический императив всеединства был явным откликом Вл.Соловьева на вызов российской действительности. Известно, что идея некоего должного состояния возникает тогда, когда сущее обостренно в нем нуждается. В России такая идея традиционно распадалась на два полюса, разделявших общество, во всяком случае, его интеллектуально активную часть, на две партии, неустанно спорящих и даже враждующих между собой. История возникновения и последующего развития этих противоположных ориентаций в отечественной мысли, получивших в XIX веке названия «славянофильство» и «западничество», сегодня хорошо известна. Взаимоотношения между приверженцами «своего» и «чужого» на протяжении многих веков определяли состояние общества на том или ином этапе его развития.

Лишь немногим было дано подняться выше этих пристрастий, отрешиться от предвзятых определений в отношении того, что есть истина, а что заблуждение, чтобы высказать тривиально простую и, вместе с тем, поразительно трезвую мысль: «Россия обладает, быть может, великими и самобытными духовными *силами*, но для проявления их ей, во всяком случае, нужно принять и деятельно усвоить те общечеловеческие *формы* жизни и знания, которые выработаны Западной Европой»⁶. Такую позицию, означающую примирение противоположностей и доказывающую их

«сводимость», заявил в начале 80-х годов прошлого столетия Владимир Соловьев. Примерно в то же время созвучные мысли высказывал и Ф.М.Достоевский, оказавший в этом отношении определенное влияние на своего младшего современника: «От Европы не уйдешь [ник<ак>]. Нам без обобщений в себе и собою всего, что вынесла в свою историю Европа, не уйти»⁷. Однако к такому синтезу противоположностей, который, что уж говорить, не стал последним словом в данном споре, лежал долгий и неровный путь сшибок и столкновений между тезисом и антитезисом.

Вл.Соловьев с симпатией относился к славянофилам первой волны, но, вместе с тем, со временем все больше убеждался, что их воззрения, во-первых, слишком ограничены исповедуемой ими партийностью, и, во-вторых, противоречат не только идеалам, но и реалиям национального общественного бытия. Славянофилы говорили о «цельности духа», но цельности в действительности не было. Разобщенность общества и власти, народа и интеллигенции, «отщепенство» культуры верхов от культуры низов... И, наконец, разрыв между Востоком и Западом, но не столько как между понятиями географическими, сколько между «внутренним Востоком» и «внутренним Западом». Причем, не только в обществе, но и в отдельных душах. «Мы – речи европейские, поступки азиатские», – иронизировал по этому поводу поэт Николай Щербина в середине прошлого века.

В начале своего творческого пути Соловьев пошел по пути славянофилов. Его юношескому миропониманию была созвучна исповедуемая ими идея цельности, а также мысль об особом историческом предназначении России. Эту мысль он проводит в своих ранних сочинениях, особенно отчетливо она звучит в работах «Философские начала цельного знания» и «Три силы». В этих произведениях легко обнаружить мотивы, дающие основания говорить о славянофильской, точнее, русофильской, ориентации Соловьева. Россия, согласно проводимой здесь мысли, есть «третья сила», находящаяся между двух других враждующих между собою сил – Востоком и Западом. Она призвана явить собой судьбоносное место для примирения восточной культуры, исповедующей «обесчеловеченного бога», и западной цивилизации, превозносящей «обезбоженного человека». В русском национальном, православном духе содержатся все необходимые положительные предпосылки для осуществления такого вселенского синтеза.

Но впоследствии Соловьев стал говорить не столько о достоинствах, сколько о «грехах» России, ибо увидел, что духовное, политическое и экономическое состояние российского общества еще не готово к тому, чтобы претендовать на столь высокую историческую роль. Он выступил с резкой полемикой против М.Каткова, Н.Данилевского, других радикальных защитников идеи крайнего национализма. Ибо увидел, что, утверждая цельность национальную как уникальную особенность России, сторонники этой идеи тем самым расширяли и углубляли разлом между Россией и остальным миром. Примерно с начала 80-х годов Соловьев национальную идею ставит в подчинение идее универсальной. В работе «Русская идея» он

обстоятельно излагает свою доктрину по данной проблеме, где заявляет, что для осуществления собственного национального призвания «нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них», что «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности», что «смысл существования наций не лежит в них самих, но в человечестве»⁸.

«Но где же оно, это человечество? Не является ли оно лишь абстрактным существом, лишенным всякого реального бытия?» – задает Соловьев вопросы, которые сами славянофилы, пожалуй, чаще всего задавали своим оппонентам. И отвечает: «Оно несовершенно, но оно существует: оно несовершенно, но оно движется к совершенству, оно растет и расширяется во вне и развивается внутренне»⁹. Соловьев согласен с тем, что Россия и географически, и исторически предрасположена к тому, чтобы именно в ее лоне произошло соединение восточной цельности жизни и духа с европейским типом жизни, сформировавшим свободную личность. Но он считает, что нужно смотреть на этот вопрос не с узкоместнических, а с универсалистских позиций, ибо идея такого синтеза – социальной «соборности» и свободной индивидуальности – не исключительно национально-русская, а императив мировой истории всего человечества.

Рассматривая данную проблему сквозь призму истории и перспективы развития национальных отношений, философ следующим образом видит последовательность осуществления идеи всечеловечества: «В истории новых времен для нашего вопроса самое важное значение имеют три общих факта: 1) развитие национальностей, 2) соответственное развитие международных связей всякого рода и 3) географическое распространение культурного единства на весь земной шар»¹⁰. Следовательно, нации не могут полноценно объединиться во всечеловечество, не достигнув известного уровня собственного развития, возможно, даже в своей разъединенности. «Прежде чем осуществить в себе идеал всечеловечества, нации должны были сами сложиться и определиться в своей самостоятельности»¹¹.

Исходя из такого понимания проблемы национальных взаимоотношений, и, соответственно, адекватных этим отношениям состояний национального самосознания, Соловьев считал естественными человеческими свойствами *патриотизм*, героизм при защите Отечества, национальную самобытность в творчестве, признавая в то же время ненормальными и противоестественными такие явления, как *космополитизм*, или полное небрежение своей национальной принадлежностью, и *национализм* как возведение национальной принадлежности в высшее достоинство. Если, по оценке Соловьева, космополитизм есть извращение идеи всечеловечества, то национализм является извращением идеи патриотизма. Полемике с представителями русского национализма он посвятил изрядную часть своей жизни. Содержание этих споров представлено в двух выпусках его журнальных статей, изданных позже под общим названием «Национальный вопрос в России». «Национализм, или

национальный эгоизм, – пишет Соловьев в одной из статей, – ...есть полное извращение национальной идеи; в нем народность из здоровой, положительной силы превращается в болезненное, отрицательное усилие, опасное для высших человеческих интересов и ведущее самый народ к упадку и гибели»¹².

Идею совершенствования человечества, перехода от состояния разобщенности и вражды – через примирение – к всечеловечеству Соловьев теоретически обосновывает в работе «Философские начала цельного знания» исходя из сформулированного им «всеобщего закона всякого развития». Человечество, как «действительный, хотя и собирательный организм», согласно этому закону, проходит в своем развитии три основные стадии. Первая стадия характеризуется как первоначальная слитность, «смещение или внешнее единство». Вторая связана с выделением и обособлением элементов этого единства, которые «стремятся к безусловной свободе». Третий, завершающий этап развития есть собирание частей и новое, свободное и добровольное, а потому – совершенное единство.

Третий фазис мирового процесса, завершая диалектический цикл, призван восстановить утраченную цельность первой стадии, но сохраняя при этом свободу и самоценность личности, самостоятельность государств и общественных институтов – все лучшее, что было добыто на второй стадии. Иными словами, Соловьев был убежден, что логика истории неминуемо ведет к синтезу положительных начал, содержащихся в первых двух моментах развития, к диалектическому соединению солидарности и свободы, единства и множественности, соборности и индивидуальности. «Только такая жизнь, – пишет Соловьев об этой высшей стадии развития, – такая культура, которая ничего не исключает, но в своей всецелости совмещает высшую степень единства с полнейшим развитием свободной множественности, только она может дать настоящее, прочное удовлетворение всем потребностям человеческого чувства, мышления и воли и быть, таким образом, действительно общечеловеческой, или вселенской, культурой»¹³.

Соединение людей, народов, культур, типов жизни должно происходить ни в коей мере не принудительно, считает Соловьев, а только свободно и добровольно, после осознания самими участниками этого процесса внутренней потребности в таком единстве. «Мир не должен быть спасен насильно. Задача не в простом соединении всех частей человечества и всех дел человеческих в одно общее дело... Дело не в единстве, а в свободном согласии на единство. Дело не в великости и важности общей задачи, а в добровольном ее признании»¹⁴. Диалектика формы, таким образом, переводится в этику содержания. Логическая идея синтеза становится нравственной идеей примирения.

* * *

Философское учение могут подстерегать, среди прочих, две напасти: оно может вызвать нападки на себя, с одной стороны, за то, что появилось на

свет с опозданием и повторяет уже давно известные истины, или же, с другой стороны, оно может появиться до срока, и тогда, непонятое и недооцененное, будет оттеснено на обочину, как некое интеллектуальное недоразумение. Вот и Василий Львович Величко, поэт и публицист, биограф Вл.Соловьева, с горечью писал: «Соловьев пришел не в свое время: либо слишком рано, либо слишком поздно!»¹⁵.

Если сравнивать философию Вл.Соловьева с тем уровнем развитием мысли, который был достигнут к концу XIX века на Западе, то действительно, при желании можно найти повод для упрека ее в «отставании» от лучших европейских образцов. Но если посмотреть с точки зрения дня сегодняшнего, то мы обнаружим множество совпадений и созвучий с современными идеями, сформулированными и высказанными, увы, уже после Соловьева. И это уже не отвлеченные теоретические построения, а конкретный ответ на жесткий вызов нашего сурового времени.

В середине XX века Б.Рассел и А.Эйнштейн призвали мировое сообщество к разоружению и мирному сотрудничеству, их манифест стал мощным интеллектуальным импульсом поворота к новому, неконфронтационному мышлению. Вопросы ненасилия, взаимопонимания, мирного сосуществования и сотрудничества активно обсуждаются на заседаниях Римского клуба, на форумах Международного содружества примирения, целого ряда других организаций аналогичной ориентации. В XX веке сформировались целые направления, ориентированные на философское решение проблем взаимопонимания людей, примирения и согласия между различными мировоззрениями и типами мышления, между народами и культурами. В контексте этой проблематики плодотворно работали и работают О.Шпанн (универсализм), П.Сорокин и Дж.Голбрейт (теория конвергенции), Л.Габриэль (интегральная логика), К.Гюнцль («новое мышление»), К.Лоренц (наука о поведении), К.Апель (этика дискурса) и многие, многие другие. В этом ряду особо следует отметить «философию диалога», получившую в последнее время огромную популярность как в России, так и за рубежом.

Питирим Сорокин, русско-американский социолог и культуролог, сформировавшийся в своем мировоззрении под значительным влиянием идей Конта и Дюркгейма, впоследствии стал защищать, в сущности, те же взгляды на будущее мировой истории, которые высказывал Вл.Соловьев. Разумеется, он не отказался полностью от научных методов исследования, но, вместе с тем, со временем ученый все больше убеждался в том, что методы одной только науки не способны решать усложняющиеся задачи социального познания перед лицом катастрофического развития цивилизации. В работе «Главные тенденции нашего времени», представляющей собой популяризацию важнейших положений его фундаментальной «Социальной и культурной динамики», П.Сорокин, в частности, писал: «...Новый нарождающийся социокультурный строй обещает обеспечить добровольное объединение религии, философии, науки, этики и изящных искусств в одну

интегрированную систему высших ценностей Истины, Добра и Красоты. Такое объединение означает конец разделения и конфликта науки, религии, изящных искусств и этики друг с другом... это объединение означает новую «органическую» эру в истории человечества»¹⁶. Особенностью современного этапа мировой истории Сорокин считал осмысление человечеством себя не только как планетарной целостности, но и как части абсолютного универсума, или, говоря словами Вл.Соловьева, «всеединого сущего», что требует от человечества согласованных действий и нравственного совершенствования. Развитие исторического процесса вплоть до XX века П.Сорокин рассматривает как совместное существование двух социокультурных типов: чувственного (западного) и идеационального, или религиозного (восточного) при доминировании одного из них. Если на заре человеческой истории главенствующую культурную роль играло идеациональное мировоззрение Востока, то в последующие века центром такого лидерства стала Европа. Обозримое будущее мировой цивилизации Сорокин связывает с утверждением *интегрального* типа культуры, который, по его мысли, объединит лучшие черты культурных типов Востока и Запада.

Именно такой поворот в развитии мировой истории примерно за три четверти века до Сорокина обосновывал его соотечественник Вл.Соловьев. Здесь, как и в случае с идейными влияниями на самого Соловьева, можно спорить о том, заимствовал ли Сорокин эти мысли у своего предшественника, или опять мы имеем дело со спонтанной конвергенцией идей, – вопрос, конечно, не в этом. Гораздо существеннее то, что к подобным выводам сегодня приходит все большее число мыслителей, на находящих альтернативы как синтезу методов познания, так и диалогу культур и примирению народов.

Кристоф Гюнцль называет исповедуемое им мировоззрение знакомым нам термином «новое мышление», в основе которого лежит принцип осознания всеми частями мирового сообщества своей принадлежности к единому, целостному и взаимозависимому человечеству. Чем яснее выражено единство и чем разнообразнее самобытность его составляющих, тем интенсивнее целостность творения, тем глубже оно погружается в созидательный дух. Воля к единству имеет не интеллектуальный, а духовный характер, а дух есть это воля и любовь. Даже из этих самых общих штрихов метафизических представлений австрийского мыслителя видно, что его позиция напрямую перекликается с соответствующими положениями философии всеединства Вл.Соловьева. Подобных параллелей можно привести множество. Например, вот такое характерное высказывание, касающееся вопроса будущей интегральной философии как идейной основы единого человечества: *«В основе конфликта между Востоком и Западом, угрожающего существованию рода человеческого, в конечном счете всегда лежал разный подход к решению вопроса о человеке, о его сущности. Что есть человек в будущей, единой в масштабах мира, человеческой семье?.. Этот вопрос должен быть решен с помощью новой философии, в духе нового*

мышления еще до того, как будет сделан последний шаг мировой эволюции к единому сообществу, иначе этот спор может закончиться атомным уничтожением»¹⁷.

Фритьоф Капра, автор популярной книги «Дао физики», приводит массу убедительных доказательств в пользу того, что современная физика в своем фундаментальном содержании удивительным образом соединяется с мистическим мировоззрением. «Наука и мистицизм являются для меня двумя дополняющими друг друга сторонами человеческого познания: рациональной и интуитивной, – пишет Ф.Капра. – ...Для них характерна, как принято говорить в физике, дополнительность... Таким образом, лучше всего для нас было бы объединение мистической интуиции и научной рассудочности, а не динамическое чередование»¹⁸.

С соловьевской идеей взаимообогащения культур много общего имеет «философия диалога», берущая начало от Сократа, но по-новому открытая в 20–30-е годы XX века. У ее истоков стояли западные философы М.Бубер, Ф.Розенцвейг, Ф.Эбнер, О.Розеншток-Хюсси. Существенный вклад в ее разработку внесли наши соотечественники С.Л.Франк, М.М.Бахтин, В.С.Библер. Примечательно, что выход на идею диалога разными философами происходил зачастую независимо друг от друга, что свидетельствует об объективной обусловленности перехода к подобному типу мышления. Диалогический метод, по заявлению О.Розенштока-Хюсси, призван прийти на смену картезианскому рационализму, ограничивающему человеческое сознание в конечности саморефлектирующего «я». М.Бахтин подчеркивал, что идеи, как и люди, должны пребывать в постоянном общении. «Идея начинает жить, то есть формироваться, развиваться, находить и обновлять свое словесное выражение, порождать новые идеи, только вступая в существенные диалоговые отношения с другими чужими идеями»¹⁹, – писал Бахтин. Сказанное целиком относится к взаимоотношениям как между идеями-высказываниями частного свойства, так и между философскими, мировоззренческими доктринами, типами ментальности и культуры. Исследователь современных проблем философского мышления В.С.Библер доказывает, что диалогичность сегодня становится неотъемлемым и важнейшим свойством философии, которая от своей прежней функции «наукоучения» делает поворот к тому, чтобы быть логикой общечеловеческой культуры, культуры очень разнообразной и многоголосой. Диалогичное мышление в его отечественной версии, представляет собой, по словам Библиера, «одно из возможных авторских исполнений некоей неявной, невысказанной "партитуры" гуманитарного мышления XXI века»²⁰.

Американский бизнесмен и философ Клинтон Гарднер, ученик и последователь О.Розенштока-Хюсси и восторженный поклонник М.М.Бахтина, указывает на прямую связь диалогического мышления («нового мышления») с русской философской традицией и, в частности, с наследием Вл.Соловьева. Увлечшись русской философией и посвятив немало

времени ее основательному изучению, он написал книгу «Между Востоком и Западом. Возрождение даров русской души», в самом начале которой пишет о своем намерении способствовать «возродить наследие Соловьева, Бердяева и всей русской философии», поскольку уверен «в жизненно важной роли, которую суждено сыграть русской философии в открытии "нового мышления", новой морали и новой духовности – и не только для России, но и для всего человечества»²¹. По мнению К.Гарднера, учение Михаила Бахтина является своего рода логическим завершением и смысловой конкретизацией развития тех идей, которые впервые были высказаны славянофилами и Вл.Соловьевым. «По мере того как мы переходим от «слова правды» Хомякова к «деятельному началу» Соловьева, далее к «творческому духу» Бердяева, затем к «диалогическому действию» Флоренского и, наконец, к «диалогичности жизни» Бахтина, мы наблюдаем последовательное развитие одного подхода, ...что сегодня мы можем опознать как *всеобщий творческий принцип*, то есть действие духа во всех людях»²².

В контексте данной темы нельзя обойти вниманием мнение крупнейшего мыслителя XX века, немецкого философа Карла Ясперса, взгляды которого на истоки и цель мировой истории удивительно созвучны соответствующим мыслям русского философа. Так же, как и Вл.Соловьев, Ясперс исходит из того, что человечество происходит из одного корня, затем распадается на отдельные культуры, империи, государства, а в конечном итоге неминуемо приходит к новому единству. Способом осуществления пути к будущему единству человечества является *коммуникация*. Без коммуникации, активного общения, взаимопонимания, открытости народов друг другу, без общего признания высших духовных ценностей, считает философ, человечество не сможет устоять перед грозящей катастрофой, к которой ведет взрывоопасное развитие науки и техники. Справиться с этой задачей невозможно с помощью одного лишь разума, необходимо возродить доверие к историческим традициям, нравственно-религиозным установлениям, культурному опыту всех мировых цивилизаций. «Сегодня в нашей беде, – писал Ясперс, – мы воспринимаем коммуникацию как главное предъявляемое нам требование. Высветляющая коммуникация в многообразных истоках различных уровней объемлющего становится главной темой философствования. Приблизить коммуникацию во всех возможностях ее осуществления есть повседневная задача философской жизни»²³. Примерно так же и Вл.Соловьев видел назначение «истинной философии», в которой религия, философия и наука приходят к внутреннему свободному синтезу, который, в свою очередь, ложится в основу вселенского синтеза общечеловеческой жизни.

Таким образом, идеи, высказанные Вл.Соловьевым более века назад, независимо ни от мыслителя, ни от его ценителей или критиков, пусть в другой интерпретации и в ином теоретическом ракурсе, свежо и актуально звучат в наше время.

В своем учении Вл.Соловьев во многом предвосхитил постановку, а

отчасти и философское решение важнейших современных проблем. Но часто ли вы услышите какую-либо ссылку на Вл.Соловьева, когда речь заходит обо всем этом – о человечестве, глобальных проблемах, диалоге культур, типов мировоззрений, синтезе методов познания? Увы... Здесь, видимо, сказывается наша давнишняя убежденность в том, что нет пророков в своем отечестве. И все та же партикулярная приверженность, любовь к крайностям, которую Соловьев удовлетворить не мог, поскольку был *над* крайностями. Его идеи не годились и сейчас не годятся ни правым, ни левым для их боевых кличей.

По образному выражению Александра Блока, Владимир Соловьев был «рыцарь-монах», «занесший золотой меч над временем»²⁴. Но хочется вместе с Соловьевым поверить в то, что временам, когда властвуют непонимание, нетерпимость и кровавые раздоры, все же наступит когда-то конец. И в то, что на смену недооценке и неприятию все же придет подлинно философское осмысление идейного наследия великого русского мыслителя, понимание его истинной ценности для наступившего XXI века.

Примечания

¹ Новая газета, 2002. № 76. С. 22.

² Лосев А.Ф. Вл.Соловьев. М., 1994. С. 147.

³ Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т.2. М., 1988. С. 552.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ Соловьев В.С. Собр. соч. и писем в 15 т. Т. 2. М., 1993 (репринт). С. 412.

⁶ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1989. С. 262.

⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. XXVII. Л., 1984. С. 195.

⁸ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1989. С. 246, 220, 228.

⁹ Там же. С. 228.

¹⁰ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1988. С. 472.

¹¹ Там же. С. 367.

¹² Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1989. С. 518.

¹³ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 176.

¹⁴ Там же. С. 306.

¹⁵ Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 56.

¹⁶ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. С. 86.

¹⁷ Гюнцль Кристоф. Новое мышление в преодолении прошлого и созидании будущего. М., 1993. С. 18–19.

¹⁸ Капра Ф. Дао физики: Исследования параллелей между современной физикой и метафизикой Востока. – СПб., 1994. С. 109.

¹⁹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 100.

²⁰ Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 168.

²¹ Гарднер Клинтон. Между Востоком и Западом. Возрождение даров русской души. М., 1993. С. 10.

²² Там же. С. 20–21.

²³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 508.

²⁴ Книга о Владимире Соловьеве. С. 332.